

Ли Цюань на миг забылся, глядя на лежащее перед ним тело. Бай Фэн, завернутый в белое полотно, казался совсем хрупким — стоило дунуть ветру, и эта тонкая фигурка рассыплется прахом. А ведь Сунь Бин... он ведь тоже был совсем ребенком. Все они были не старше его младшей сестры.

В горле встал комок, и Ли Цюань поспешно закрыл глаза рукой. Он твердил себе: нельзя плакать, не должен, не вправе...

Поднимая худое тело, он шепотом напутствовал:

— Бай Фэн, ты там, на том свете, постарайся поладить с Янь-ваном. С твоими-то талантами в следующий раз точно в хорошей семье переродишься. А насчет брата твоего не беспокойся — господин Премьер-министр о нем обязательно позаботится.

Он уже собирался опустить покойного в могилу, когда военный советник Фан, точно обезумев, внезапно оттолкнул его и сорвал саван.

Лицо Бай Фэна застыло в безмятежности, он словно слегка улыбнулся в приятном сне. Ли Цюань помнил, что последним словом юноши было «господин».

Но «господин» сейчас являл собой зрелище жалкое и пугающее. Лихорадочно поглаживая Бай Фэна по щеке, Фан Уби надрывно вскрикивал:

— Не верю! Не верю! Фэн-эр ни за что бы не предал брата Фаня!

Ли Цюань помедлил, а затем осторожно спросил:

— Господин советник, а ведь Господин Фэн попал в «реестр подлых людей» из-за отца генерала, верно?

— Да! Но он никогда бы не подставил брата Фаня из-за такой мелочи! — Фан Уби яростно замахал руками, сверкнув взглядом на солдата. — Фэн-эр не такой мелочный! В столице он часто говорил мне, что прошлое — в прошлом, и поминать его не стоит!

«Это он вам зубы заговаривал», — хотел было сказать Ли Цюань, но промолчал. Если бы Бай Фэн и впрямь смирился с судьбой, разве поддался бы он на уговоры господина Цзяна, разве угодил бы в его ловушку? В такие байки для детей могут поверить лишь благородные господа вроде военного советника.

Ли Цюань хотел было снова заговорить, но Фан Уби внезапно выплюнул фразу, от которой солдат мгновенно подобрался, точно учуявший врага зверь.

— Это всё он! Наверняка этот старый хрыч, этот изменник! Это он принудил Фэн-эра пойти на такое!

— Господин советник... вы о ком?

— А о ком же еще! — Фан смотрел с ненавистью. — Пользуясь тем, что он родной дядя императора, этот лис прибрал к рукам всю власть! Мало ему поста премьер-министра, так он теперь еще и с варварами Сиди мириться вздумал! Проклятый льстец и предатель — Цзян Динхэн!

«Предатель Цзян Динхэн...»

При этом имени рука Ли Цюаня, сжимавшая рукоять ножа, едва заметно дрогнула. Помолчав, он горько усмехнулся:

— Господин, в моих краях, если уездный судья хоть немного смыслит в справедливости — это уже великая благодать. А господин Премьер-министр... он от нас слишком далеко.

Но Фан Уби, единственный сын военного министра, не желал слушать доводов разума. Покраснев как рак, он ткнул пальцем в грудь солдата:

— Ты — подданный Великой Цзинь! И если тебе плевать на безопасность родной страны, достоин ли ты зваться её сыном?

Ли Цюань лишь втянул голову в плечи и почесал затылок, предпочитая отмолчаться.

— Этот злодей в самом совете всеми силами пытался подставить брата Фаня! — продолжал Фан Уби, распаясь всё сильнее. — Именно он раздул «Дело мятежного маркиза», да только улики не нашел! А теперь он продает родину, заигрывая с этими дикарями из Сиди!

— Мир... — Ли Цюань повернулся к советнику спиной, и в его мягком голосе проскользнула странная нотка. — Господин советник, а разве мир — это плохо?

— Что в нем хорошего?!

— Если будет мир, не придется воевать, — простодушно ответил солдат. — Все разойдутся по домам. Кто землю пахать, кто жениться... Разве не к этому все стремятся?

Услышав это, Фан Уби едва не задохнулся от возмущения:

— Невежда! Тёмный муж! Если падет государство, не видать тебе и дома! Неужели в тебе нет

ни капли гордости за Великую Цзинь? Неужели ты мечтаешь стать рабом западных варваров?

Увы, этот пафос не нашел отклика в душе Ли Цюаня. Для него, простого солдата, жизнь состояла из прозаичных вещей: соли, масла да уксуса. Он не был Бай Фэном и не собирался потакать капризам советника.

Желая сменить тему, он осторожно спросил:

— А генерал? Неужто и он против мира? Неужто он так жаждет войны?

— Конечно! — в голосе Фана зазвучала гордость. — Мой отец и брат Фань всей душой преданы империи. Пока Сиди не будет стерт с лица земли, они не смогут спокойно спать!

— Значит, — Ли Цюань снова невесело усмехнулся, — война в Ичжоу и поход на Ючжоу... это не варвары начали, а мы?

— Откуда ты... — Фан Уби осекся, поняв, что сболтнул лишнего, и плотно сжал губы.

Солдат послушно кивнул, рассуждая вслух:

— Генерал сам говорил, что еще до императорского указа знал о переброске войск. Да и тот пленный военачальник Сиди кричал, что это мы нарушили договор и первыми развязали бойню.

Фан Уби опешил. Он и не подозревал, что этот «простак» так много знает. Советник невольно присмотрелся к нему повнимательнее.

— Фэн-эр говорил, что ты непрост... что ты смысленный парень. Я думал, он просто жалеет тебя, но, видать, он был прав.

Ли Цюань внутренне напрягся, а его пальцы крепче впились в рукоять ножа. Он не знал, сколько именно Бай Фэн успел разболтать советнику. Если тот догадался...

Но Фан Уби, ничего не заметив, снова отвернулся к покойному. Поглаживая застывшее лицо юноши, он тихо всхлипнул:

— Фэн-эр... мой бедный Фэн-эр...

В этом плаче было столько искренней тоски и горечи, что он казался эхом тех последних слов, что Бай Фэн прошептал перед смертью.

Ли Цюань медленно отпустил рукоять. «Всего лишь изнеженный барчук, — подумал он. — Кто поверит его словам?»

— Господин советник, позвольте мне всё же похоронить Господина Фэна.

— Не смей! Пошел прочь!

Фан Уби снова заупрямился, вцепившись в тело Бай Фэна. Пока Ли Цюань гадал, что делать, из-за его спины бесшумно выросла чья-то фигура. Незнакомец стремительно прижал к лицу советника пропитанную чем-то ткань. Тот лишь глухо хмыкнул, закатил глаза и обмяк на руках пришельца.

Сноровка, с которой действовал этот «похититель», заставила Ли Цюаня в изумлении разинуть рот. «Разбойником» оказался не кто иной, как бородатый лекарь Цюй Ди.

— Военный врач? Вы что творите? — ахнул солдат. — Я ж чуть было за нож не взялся, думал, ворог какой!

Крепко сбитый Цюй Ди, чье лицо почти полностью скрывала окладистая борода, и впрямь смахивал на лихого лесного брата. Но заговорил он со своей обычной мягкостью:

— Он обезумел от горя. Я дал ему настойку успокоительную, так будет лучше.

Доброта врача была известна всей армии: он лечил всех без разбору, невзирая на чины и личную неприязнь. Ли Цюань немного успокоился и почесал в затылке:

— Ну и сердце у вас, господин Цюй. Золотой вы человек.

Великан лишь грустно покачал головой:

— Бай Фэн просил меня присмотреть за его господином.

—...

— Видно, Фэн-эр предчувствовал, чем всё закончится. С самого первого дня в лагере он всё ластился ко мне, упрашивал не оставлять его «молодого господина» в беде. — Лекарь тяжело вздохнул. — Пусть он и был шпионом, но Фану он был предан всей душой. Это я знаю точно.

Ли Цюань замер, обдумывая услышанное.

— Предан душой? Но как же... Разве можно делать одно, а чувствовать другое?

Цюй Ди уверенно кивнул:

— Еще как можно. В этом мире редко кому удается усидеть на двух стульях. Думаю, у парня были свои причины, о которых мы и не ведаем.

Солдат опустил голову и долго молчал, прежде чем прошептать:

— Господин Цюй, а знаете... Когда генерал впервые позвал меня в свой шатер, он спросил: «Цюань? От слова "преданность и долг" [Чжун-и-цюань]?»

— И что ты ответил? — Врач, казалось, вовсе не замечал веса лежащего на плече советника.

Ли Цюань смущенно покраснел и простодушно улыбнулся:

— Я сказал, что Цюань — это значит «полная чаша». Чтобы у меня, дурня, всего в жизни было в достатке.

Цюй Ди одобрительно хмыкнул:

— Хороший ответ. Куда честнее и дельнее.

Ли Цюань снова глупо хихикнул, и на душе у него наконец стало чуточку легче.

— Не буду вас задерживать, господин Цюй. Идите, уложите советника. Я тут закончу с Бай Фэном и сразу вернусь.

— Что ж, на тебя полагаюсь, — лекарь коротко поблагодарил солдата и, перекинув Фана поудобнее, зашагал к лагерю.

Ли Цюань остался один на один с телом. Присев на корточки перед юношей, он тихо спросил:

— Бай Фэн, а если я скажу, что хочу, чтобы и генералу, и господину Премьер-министру было хорошо... ты ведь не станешь надо мной смеяться?

Бай Фэн, разумеется, промолчал.

Солдат снова поскреб макушку:

— Генерал ко мне добр. Да и вы все ко мне неплохо относились. С таким командиром и воевать не страшно, всегда побеждаем... Хочется, чтобы с ним ничего плохого не случилось. А эти их

столичные интриги... нам-то, простым людям, что до них?

Он подпер подбородок рукой, продолжая бормотать:

— Хотелось бы просто служить, получать свое жалованье и не знать бед. Какая мне разница до чужой вражды? Вот только...

Ли Цюань невесело усмехнулся:

— Только ведь в жизни всегда есть то, что было раньше. Свою жизнь я еще давным-давно отдал господину Премьер-министру. И назад её уже не забрать.

Тяжело вздохнув, он поднялся и бережно опустил тело Бай Фэна в могилу.

— Места тут славные, лес кругом. Зайцы бегают, кабаны забредают. Не скучно тебе тут будет.

Когда первые горсти земли упали на бледное лицо юноши, Ли Цюань добавил:

— За господином твоим я пригляжу, в обиду не дам. Так что спи спокойно.

Вокруг стояла тишина, лишь изредка в вышине кричала птица. Закопав могилу, солдат еще долго сидел рядом. На его смуглом лице читалась непривычная горечь. Он ведь не был дураком и прекрасно понимал: если наступит его черед, вряд ли кто-то позаботится о его теле так же. Хорошо, если вообще не бросят в чистом поле на растерзание волкам.

Собственно, потому он так старательно хоронил Бай Фэна — в надежде, что и его когда-нибудь кто-то так же предаст земле.

Впрочем, как говаривали старики: пути небесные неисповедимы...

Напоследок тяжело вздохнув, Ли Цюань привалил к холмику камень вместо надгробия и побрел в лагерь. Но стоило ему войти, как его тут же потребовали в генеральский шатер.

Не чуя подвоха, солдат поспешил на зов — на сей раз это был прямой приказ. В шатре он обнаружил обоих заместителей; лица их были мрачнее тучи.

— Ли Цюань? Явился, — Ян Цзо заметно расслабился. С легкой улыбкой он взял со стола какой-то предмет и бросил его солдату. — Теперь всё зависит от тебя.

— А?.. — Ли Цюань едва поймал вещь, чуть не выронив её. Справившись с волнением, он глянул на генерала, но тот лишь привычно скользнул по нему холодным взглядом и снова

углубился в изучение карт.

В руках у солдата было не что иное, как лук «Тяньлан» — тот самый «Лук Небесного Волка», который он когда-то отдал Сунь Бину.

Ли Цюань застыл в растерянности, не зная, то ли прижать лук к груди, то ли отбросить его подальше.

— Господин заместитель, это вы к чему?

Ян Цзо всё так же мягко прищурился:

— Ли Цюань, хочешь шанс совершить великий подвиг?

Солдат наострил уши:

— Какой подвиг?

— Через три дня, когда сойдемся с авангардом Сиди, ты должен будешь прямо посреди двадцатитысячного войска одной стрелой снять вражеского военачальника! — выпалил Ян Цзо так буднично, будто речь шла об обеде.

—... Что?! — у Ли Цюаня подкосились ноги, и он едва не рухнул перед ними. — Господин заместитель! Вы... вы это, верно, шутить изволите?!

<http://bllate.org/book/17414/1659436>